

Ю. П. АВЕРКИЕВА

БУРЖУАЗНАЯ ЭТНОГРАФИЯ США И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

В любой науке в каждый исторический период есть своя особенно актуальная проблематика. Она закономерно порождается потребностями развития общества и самой науки, развивающейся в условиях данного общества. Возникновение и развитие европейской этнографии было вызвано прежде всего потребностями колониализма. Впервые историческая связь между зарождением и развитием этнографической науки Запада и нуждами колониализма была убедительно прослежена на примере африканистики известным бельгийским ученым Ж. Макэ¹. Выводы Макэ в 1964 г. вызвали бурную реакцию со стороны многих западных ученых; сегодня же высказывания о том, что «этнография — дитя колониализма», довольно часты. Это и определило задачи этнографической науки Запада как науки об экзотических народах колоний.

Американская же этнография, или, как ее называют в США, «культурная антропология», складывалась на основе изучения быта индейцев, внутреннего колониального народа. Ее цели и задачи определялись колонизацией Североамериканского материка, прежде всего американского Запада. Этнографическая наука США была призвана обосновать официальную политику по отношению к индейским племенам. Многие американские этнографы работали и продолжают работать в Индейском бюро правительства США, в задачи которого входит формулировать и проводить в жизнь политику правящих кругов в отношении индейцев.

Вторая мировая война и последовавший за ней период революционных событий и образования новых государств выдвинули перед этнографами различных стран новые актуальные проблемы. В связи с этим предмет этнографической науки стал постоянной темой дискуссий американских этнографов за последние годы. Если до 1930-х годов в научных кругах бытовало мнение, что предмет этнографии — бесписьменные, так называемые примитивные, племена и народы, другими словами, народы колониальных стран, то в последующие годы и особенно после второй мировой войны был поднят вопрос о том, должна и может ли этнография заниматься исследованием быта народов промышленно развитых стран, внесет ли она свою специфику в изучение этих народов. На страницах западной печати за последние годы появился ряд статей по этому вопросу². Большинство этнографов США склоняется в настоящее время к признанию, что объектом этнографического анализа могут быть экономика, социальный строй, духовная культура народов на всех стадиях развития общества. Такого рода исследования велись американскими этнографами во время второй мировой войны и носили сугубо «прикладной» характер. Например, Р. Бенедикт, М. Мид и другие изу-

¹ J. Maquet. Objectivity in Anthropology.— «Current Anthropology», Utrecht, 1964, vol. 5, № 1.

² S. N. Eisenstadt. Anthropological Studies of Complex Societies.— «Current Anthropology», 1961, vol. 2, № 3; L. A. Despres. Anthropological Theory, Cultural Pluralism and the Study of Complex Societies.— «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 1; M. Banton (Ed.). The Social Anthropology of Complex Societies. London, 1966.

и народы Чехословакии, Польши, Голландии, Бельгии, СССР, Японии по заказу министерства обороны США ³.

Некоторые ученые обратились от экзотики к истории своего народа ⁴. В их ряду с апологетикой современного американского общества встречаются и критические оценки его состояния. Интересна в этом отношении книга Дж. Генри «Культура против человека», в которой американское общество характеризуется как тип социальной системы, направленной против человека. Господствующие в нем интересы робыли, по словам Генри, ведут к обесцениванию человеческой жизни, к одиночеству ⁵.

Большинство этнографов США и ныне продолжает изучать народы стран «третьего мира». Но в сфере их интересов произошел глубокий поворот от архаики к современности. Проблемы современной жизни народов, изменения в их хозяйстве, быту, идеологии, психике занимают сейчас ведущее место в трудах этнографов США. Это показали их выступления на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио в 1968 г. ⁶ Этот сдвиг продиктован потребностями сегодняшнего дня. Неоколониализм США выдвинул перед этнографами новые задачи. В последние десятилетия щедро финансируются полевые исследования американских этнографов за пределами страны, прежде всего в странах Латинской Америки, затем в Африке, в Южной и Юго-Восточной Азии. Перед этнографами поставлена задача вести полевые исследования в странах, где бурно развивались национально-освободительные движения. Рост субсидий на этнографические исследования именно в этих районах объясняется возросшим интересом правительственных учреждений США, особенно министерства обороны и ЦРУ, к собираемой этнографами информации о жизни их населения. О том, какого рода информация интересует эти учреждения, пишет один из этнографов США Дж. Йоргенсен. ЦРУ, по его словам, может запросить этнографа, изучающего, например, народ ибо в Нигерии, информацию о составе политической элиты, его лидерах, настроениях. Оно может заставить этнографа, играя на его патриотизме и дополнительно субсидируя его, собирать нужную ЦРУ шпионскую информацию ⁷. Вместе с ростом субсидий растет и «прикладное» значение этнографических исследований. Широко привлекаются этнографы в качестве консультантов к разработке международных программ американского империализма. Некоторые из них активно сотрудничают с «Рэнд корпорейшн» — организацией, занимающейся изучением военного потенциала социалистических стран и пропагандой антикоммунизма. Этнографы-консультанты по проблемам стран «третьего мира» представлены в самых различных организациях, определяющих внешнеполитические акции американского правительства в развивающихся странах.

Специалисты по этнографии стран Латинской Америки привлекаются к активному участию в осуществлении программы «Союз ради прогресса», якобы призванного объединить усилия стран американского континента в их развитии по пути прогресса. Фактически же, как показала его деятельность, «Союз ради прогресса» — это детище империалистов США, ширма их неоколониалистской политики в странах Латинской Америки. Активное участие принимают этнографы США в разработке «заморских операций» так называемого «Корпуса мира» и в подготовке его «добровольцев». Корпус рекламируется американской пропагандой как организация молодых американцев, «добровольно» едущих в страны «третьего мира» с исключительно филантропической целью оказания помощи народам этих стран в освоении ими современных достижений в области просвещения, медицины, техники. Однако деятельность добровольцев «Корпуса мира» вскоре показала этим народам его неоколониалистскую сущность.

³ M. Mead. An Anthropologist at Work. Boston, 1959. p. 436—437.

⁴ «The USA as Anthropologists See It». — «American Anthropologist», vol. 57, № 6, pt. 1. Menasha, 1955; J. Henry. Culture Against Man. New York, 1965; M. S. Goldstein. Anthropological Research Action and Education in Modern Nations: with Special Reference to the U. S. A. — «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 4.

⁵ J. Henry. Op. cit.

⁶ См. Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей. VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — «Советская этнография», 1969, № 1.

⁷ J. Jorgensen. On Ethics and Anthropology. — «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 329.

Не принесло славы этнографам США и участие некоторых из них в сборе информации по разработанным министерством обороны США программам, направленным на совершенствование тактики борьбы с партизанским движением в Латинской Америке (план «Камелот»⁸) и в Юго-Восточной Азии («план «Агиль»). В опубликованной в «New York Times» статье П. Браструда «План Агиль» характеризуется как «глобальная программа» разработки методов борьбы с партизанским движением. В ней, как пишет П. Браструд, приняло участие 157 специалистов, в том числе этнографы, лингвисты, инженеры, артиллеристы. Группа этнографов, например, составила иллюстративное руководство по определению типов джонков, применяемых жителями различных районов Сиамского залива. Оно было названо «Боевые джонки Джейн» по аналогии с американским справочником о флотах мира «Боевые суда Джейн» и предназначено для американских военных судов и самолетов⁹.

Факты об участии этнографов США в подобного рода «исследованиях» были вскрыты и осуждены в острополитических дискуссиях на годовых съездах Американской антропологической ассоциации¹⁰ (1965—1966 гг.) и в специальных публикациях в журнале «Current Anthropology», посвященных задачам и тактике полевого исследования в «политически накаленной ситуации»¹¹, а также вопросам этики и ответственности этнографов перед изучаемыми ими народами и перед обществом¹². Приводились различные рода документальные данные об этнографических исследованиях «прикладного» значения. В частности, цитировался «Отчет комиссии по оборонным, социальным и бихейвпоральным наукам» Совета оборонных наук Национальной Академии наук США, опубликованный в журнале «Defense»: «Вооруженные силы заняты теперь не просто войной. В их миссию входит умиротворение населения, помощь ему и битва за умы. Все эти задачи требуют понимания поведения городских и сельских жителей, в контакт с которыми вступает наш военный персонал в связи с новыми мирными действиями или войной. Нам нужно как можно больше информации о странах мира, их политических, религиозных и экономических организациях... Методология официальной социальной науки... это один из счастливых случаев, когда интересы министерства обороны и академического общества, ведущего исследования, во многом совпадают. Мы считаем, что министерству обороны исключительно повезло в мобилизации интересов и услуг группы выдающихся ученых бихейвиористов». Далее в документе определяются, какие сведения должны собираться для нужд министерства обороны в разработке стратегии антипартизанской войны¹³.

К числу ученых, которых желательно привлекать для сбора этих сведений, в США относят, наряду с социологами и психологами, также и этнографов, особенно этнопсихологов. За последние два года опубликованы новые данные об использовании американской военщиной этнографов для разработки мер борьбы с партизанской борьбой, например, в горных районах Таиланда¹⁴. Примечателен в смысле диапазона «прикладных» исследований американских этнографов рассказ одного из них, Эрика Коэна, ведущего изыскания на оккупированных Израилем землях арабов. Этот «ученый» мотивирует свою деятельность «гуманными целями», под которыми понимает «сниже-

⁸ I. L. Horovits. The Life and Death of Project Camelot.— «Transaction», 1965, № 3.

⁹ P. Braestrud. Researchers aid Thai Rebel Fight: U. S. Defense Unit Develops Anti-Guerilla Devices.— «The New York Times», 20.III.1967.

¹⁰ Американская антропологическая ассоциация (далее — ААА) — главная организация ученых США всех тех областей знания, которые объединяются в США понятием «антропология».

¹¹ J. Henry. The Role of Fieldworker in an Explosive Political Situation.— «Current Anthropology», 1966, vol. 7, № 5; D. C. Youngmans, P. C. W. Gutking (Eds.). Anthropologists in the Field. Assen, 1967.

¹² «Social Responsibility Symposium».— «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5; J. Jorgensen. Op. cit.

¹³ Defense Science Board. National Academy of Sciences. «Report of the Panel on Defense, Social and Behavioral Sciences». Williamstown (Mass.), 1967.— «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, pt. 1, p. 412.

¹⁴ E. R. Wolf, J. Jorgensen. Anthropology on the Warpath in Thailand.— «New York Review of Books», 19.XI.1970; D. J. Jones. Social Responsibility and the Relief in Basic Research: An Example from Thailand.— «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 347—350.

ние цены сближения (!) евреев и арабов»¹⁵. Однако его работа была откровенно охарактеризована норвежским ученым Г. Гьессингом как прямая помощь оккупантам¹⁶.

Этнографы США — активные участники событий в любой из «горячих» точек земного шара. Участие этнографов в различного рода «операциях» министерства обороны США и ЦРУ, направленных на удушение партизанского движения против империализма в различных странах мира, ярко показывает замечание одного из них: «Если раньше говорили, что для успешной борьбы с партизанским движением нужно на одного партизана 10 солдат, то теперь говорят, что на одного партизана нужно 10 антропологов»¹⁷.

Дискуссии и разоблачения в связи с осуществлением планов «Камелот», «Агиль» и участием американских этнографов в других неокOLONиалистских операциях вызвали замешательство среди специалистов, консультирующих правительственные и военные учреждения США. Были приняты меры, чтобы замаскировать явное участие этнографов в неокOLONиалистских акциях и восстановить подорванное доверие к американским этнографам со стороны народов развивающихся стран. Такого рода рекомендации ученым, ведущим исследования в Латинской Америке, дает один из главных правительственных консультантов по вопросам стран Латинской Америки Ричард Н. Адамс¹⁸, виднейший деятель в области прикладной антропологии. Ныне он президент Ассоциации латиноамериканских исследований, тесно связанной с правительственными учреждениями США. НеокOLONиалистский дух проглядывает в каждом пункте рекомендаций Р. Адамса, отвечающих планам реформированного, так сказать «просветительного» неокOLONиализма, проводимого правительством США.

Однако многие из этнографов США активно выступают против использования науки в интересах неокOLONиализма. Под их давлением была создана специальная комиссия по изучению вопроса об использовании американских этнографов в различного рода планах и программах правительственных учреждений США. В отчете этой комиссии на съезде А А А в 1966 г. наряду с констатацией фактов такого рода деятельности ученых говорилось, что она противоречит их профессиональной этике¹⁹. Обсуждение этого отчета и последующие дискуссии об этике ученых свидетельствуют о расколе в среде американских этнографов по важнейшим вопросам целей их науки и участия в современной общественно-политической жизни. Особенно много интересных данных содержится в статьях и материалах, опубликованных под титулом «Симпозиум о социальной ответственности». Обсуждению подверглись выступления трех прогрессивно настроенных этнографов: Г. Берремана (США) «Жива ли антропология? Социальная ответственность социального антрополога»; Г. Гьессинга (Норвегия) «Социальная ответственность обществоведов»; К. Гауф (США) «Новые планы для антропологов»²⁰. Статьи вызвали острую полемику по кардинальным вопросам науки сегодняшнего дня. И в докладах, и в комментариях к ним четко выявились политические позиции выступавших. Ученые левых настроений на конкретных фактах показали, что рассуждения о «чистой науке», о «науке ради науки» досужая выдумка, что нет и не может быть ученых, не втянутых в жизнь общества, что общественная наука не может быть вне общества. Оценивая «нейтралистские позиции» некоторых американских этнографов. Д. Джонс пишет, что, хотя большинство американских этнографов нельзя считать антикоммунистами, их работы традиционно использовались для угнетения изучавшихся ими народов. «Нет недостатка, — пишет он, — в исследованиях, которые поддерживали бы цели правительственных кругов (истаблшмента), но нет работ, в которых поддерживались бы интересы и чаяния народов «третьего мира»»²¹.

¹⁵ «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 411.

¹⁶ Ibid., p. 428.

¹⁷ Ibid., p. 427.

¹⁸ R. N. Adams. Responsibilities of the Foreign Scholar to the Local Scholarly Community.— «Current Anthropology», 1971, vol. 12, № 3, p. 337.

¹⁹ «R. E. Beals and the Executive Board. Background Information on Problems of Anthropological Research and Ethics».— «Fellow Newsletter of the American Anthropological Association», vol. 8, № 1, p. 9—13; «American Anthropologist», Menasha, 1967, vol. 69, № 3—4, p. 381—382.

²⁰ «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5.

²¹ D. J. Jones. Op. cit., p. 349—350.

Размежевание этнографов США существует и в вопросе об отношении к войне во Вьетнаме. Особенно наглядно оно проявилось при обсуждении предложенной съезду А.А.А. (1966 г.) группой прогрессивных ученых резолюции, осуждающей войну и зверства американской армии во Вьетнаме. Многие видные исследователи выступили против принятия такой резолюции, говоря, что вмешательство научных кругов в политику нарушает-де «объективность» науки и мешает ее развитию. После жарких споров резолюция все же была принята, но в другом звучании. В ней содержался призыв ко всем правительствам (без упоминания США) отказаться от применения напалма, химических средств, вредных газов и бомб и как можно скорее окончить войну во Вьетнаме²². Комментируя эту резолюцию, Г. Берреман писал, что хотя в ней США не упоминаются, «мне неизвестны другие правительства, которые прибегали бы к таким же жестокостям во Вьетнаме»²³.

Вопрос об отношении к войне вновь был поставлен в коллективной монографии американских этнографов «Война: антропология вооруженных конфликтов и агрессии», авторы которой разоблачают взятые на вооружение Пентагоном утверждения об извечной агрессивности человека, о войне как неотъемлемой и неизбежной черте общественной жизни, унаследованной человеком от животных предков. В книге высказана тревога передовых американских ученых по поводу использования их знаний различными ведомствами США во вред изучаемым ими народам. Исследования военно-прикладного характера некоторых этнографов США один из авторов монографии называет «проституированием науки ради политических нужд правительства»²⁴.

Таким образом, международные события и обстановка внутри США в годы после второй мировой войны внесли кардинальные изменения в практику этнографических исследований и политическую ориентацию ученых. С начала 50-х годов стали появляться высказывания против статичного понимания культуры изучаемых народов, подчеркивалась необходимость подхода к ней как процессу. Концепция «культурных изменений» заняла центральное место в американской этнографии. По существу она была другим названием концепции «социальных изменений», развивавшейся в то время в социологии США и противопоставлявшейся учению об общественном прогрессе. Теме «культурных изменений» стали посвящаться эмпирические полевые исследования американских этнографов. Изучалась она как в индейских резервациях США, так и в странах «третьего мира», под такими рубриками, как «культурные контакты», «аккультурация», «модернизация», «урбанизация», «вестернизация», на уровне небольших социальных единиц: сельской общины, племени, семьи, рассматриваемых обычно как микрокосмы, чаще всего без анализа социальной системы, частью которой являются селение или племя. Но, признавая подвижность форм социальной жизни и культуры, сторонники концепции «культурных изменений» пытались объяснить ее без идеи развития, без признания каких бы то ни было устойчивых исторических тенденций. Историческому материализму они противопоставили теорию факторов, оказавшись в конечном счете в заколдованном кругу взаимодействия факторов.

Со второй половины 50-х годов американская этнографическая печать все чаще стала критиковать антиисторизм и релятивистский позитивизм концепции «культурных изменений». Наметились признаки поворота некоторых ученых в сторону историзма. Половинчатым шагом к историзму является современный неозволюционизм²⁵, адепты которого пытаются эклектически соединить идеи релятивизма, эволюционизма и экологического детерминизма. Неозволюционизм представляет собою очередную попытку атаки на марксизм с новых, якобы «исторических» позиций. Марксистско-ленинскому материалистическому взгляду на историю неозволюционисты пытаются противопоставить идею плюрализма, идею многолинейной эволюции, в которой каждая линия определяется своими, специфическими, причинными факторами.

Широкое звучание в американской этнографии получил экологический аспект неозволюционизма Дж. Стюарта. Он ввел термин «культурная экология», подразумевая под ним взаимосвязь между естественной средой, социальной организацией и

²² «American Anthropologist», 1967, vol. 69, № 3—4, p. 383.

²³ «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, p. 427.

²⁴ «War: Anthropology of Armed Conflict and Aggression». New York, 1968, p. 211.

²⁵ См. Ю. П. Аверкиева. Неозволюционизм в современной американской этнографии. — «Советская этнография», 1959, № 6.

культурой народа. Популярность Дж. Стюарта в значительной мере объясняется стремлением многих ученых к преодолению идеалистических объяснений исторического процесса и привлекательностью некоторых материалистических выводов экологической теории. Характерно, что на специальном симпозиуме «Экология» на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио его руководитель Э. Вульф в экологическую терминологию облек ряд марксистских положений, в частности о значении уровня развития производительных сил в эволюции общества, о различиях в доступе к естественным ресурсам различных групп населения.

Однако материалистическая теория пока не получила широкого распространения в американской этнографии. Значительное место в ней занимают попытки объяснить психологическими сдвигами происходящие сейчас в «третьем мире» социально-политические изменения. Многие этнопсихологи США стали изучать «психологические приспособления» народов развивающихся стран. С этнопсихологами сближаются сторонники биологического объяснения общественных процессов, ищущие истоки социальных институтов в мире животных. При этом подчеркивают разницу между понятиями «общество» и «культура», исходя из своего основного постулата, что социальное якобы имеет место уже в животном царстве, культура же исключительное творение человека, выделяющее его из мира животных. Эта биологизация общества особенно ярко проявилась на токийском конгрессе 1968 г., где на специальном симпозиуме «Социальная организация приматов» рядом стояли два доклада: «Социальная организация шимпанзе» и «Социальная организация бушменов». Это вызвало протест советской делегации. Марксисты, как известно, считают, что социальная жизнь является признаком только человеческого общества.

Большое влияние на молодое поколение этнографов США имеет энергетическая теория школы Л. Уайта. Сам Л. Уайт и многие из его коллег считают его ученым, близким к марксизму. Эту близость видят в признании Уайтом идеи общей закономерности и поступательности исторического прогресса, в попытках материалистического объяснения истории человеческого общества. Однако материализм Л. Уайта в отличие от исторического материализма носит скорее характер технологического детерминизма. Уровень развития общества Уайт определяет количеством обузванной энергии на душу населения. Соответственно историю человечества он делит на век человеческой энергии, солнечной энергии, пара, атомной энергии. Каждому уровню энергии, по Уайту, соответствует определенная социальная структура и идеология. «Можно предсказать, — пишет он, — тип социальной системы и идеологии для общества с паровой машиной и атомным реактором»²⁶. О несостоятельности подобного рода концепций говорит уже такой наглядный факт, как наличие атомных реакторов в СССР и США — при совершенно различных социальных системах и идеологиях.

Марксистская историческая наука делит историю человечества на эпохи, определяющиеся состоянием производительных сил и производственных отношений. Взгляды же Л. Уайта, по его собственному признанию²⁷, созвучны с энергетической теорией «крупного химика и мелкого философа», по определению В. И. Ленина, В. Оствальда. Критически анализируя взгляды Оствальда, В. И. Ленин писал: «Материалисты критикуют Оствальда за то, что он впадает в идеализм, за то, что он пытается примирить материализм с идеализмом»²⁸.

Многие американские этнографы в последние годы проявляют стремление к материалистическому объяснению общественной жизни, однако не связывают свои материалистические выводы с идеей развития или же признают ее лишь в области техники. Нередко материализм и историзм в объяснении явлений экономической жизни сочетаются с идеализмом и волюнтаризмом в трактовке явлений социальной и духовной жизни.

Долгое время в американской этнографической литературе существовало табу на имена основоположников марксизма-ленинизма. Борьба с марксизмом велась под видом критики Л. Г. Моргана и «однолинейного эволюционизма» XIX в. Небывалый взлет политических страстей, широких массовых движений и поляризация борющихся

²⁶ L. A. White. The Science of Culture. New York, 1949, 2nd, 1969; его же. Nations as Sociopolitical Systems. — «Ingenior», Ann Arbor, 1968, № 5, p. 7.

²⁷ L. A. White. The Science of Culture, p. 363.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 288.

ся сил в США в 60-х годах чрезвычайно обострили идеологическую борьбу в различных областях духовной жизни страны. Все это способствовало росту радикальных настроений среди трудящихся и интеллигенции, распространению влияния среди них идей научного коммунизма. Поэтому писать о марксизме, о «марксистской стратегии» сейчас становится модным²⁹. Наряду с этим противники исторического материализма пытаются отождествить его с вулгарным экономизмом, с технологическим детерминизмом и в этой псевдоформе ниспровергнуть его.

Однако, несмотря на все подобного рода «опровержения», влияние исторического материализма на ученых США неуклонно растет. Центральное место в полемике между материалистическими и идеалистическими объяснениями общественной жизни в американской этнографии занимает вопрос о соотношении базиса и надстройки. Хотя сторонники теории факторов и этнопсихологи пытаются доказать, что учение о базисе и надстройке это догматический детерминизм, не подтверждающийся эмпирическими данными, признание его можно встретить в работах таких разных по своим общественно-политическим взглядам представителей современной этнографии США, как Л. Уайт, Дж. Стюарт, В. Гольдшмидт, Э. Ликок, Г. Хикерсон, М. Фрид и др.

О привлекательности марксизма-ленинизма говорят поиски «своего Маркса для антропологии», такого же, как Маркс, гиганта ума, способного обобщить накопленные данные и дать анализ современного мира³⁰. Марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, долгое время совершенно отвергавшееся как якобы однолинейный эволюционизм, теперь начинает находить себе последователей среди этнографов США. Его влияние сказалось прежде всего в появлении таких понятий, как «социо-экономическая система» или «социо-культурная система» как аналогии понятию социально-экономическая формация. Все чаще в этнографических работах встречаемся с признанием марксова определения сущности капитала как единственно верного. Например, М. Салинс, говоря, что «приписывание капиталу первобытности и капитализация докапиталистической экономики являются, по-видимому, наиболее распространенной в экономической антропологии ошибкой», подкрепляет свою мысль цитатой из «Капитала», где К. Маркс определяет сущность эксплуатации и капитала³¹. К Марксу обращаются при разработке таких острых для буржуазной науки проблем, как происхождение собственности, классов, возникновение классового общества. При этом, однако, некоторые авторы пишут, что якобы их эмпирические исследования доказывают примат частной собственности в противовес положению марксистов об изначальности коллективизма в обществах «собирателей»³². Другие пытаются доказать «извечность» неравенства людей, которое якобы зависит не от способа производства, а основывается на обладании либо капиталом, либо титулом, либо на выдающихся личных способностях, закрепляющихся затем за потомством в качестве наследственных привилегий и преимуществ. Частная собственность трактуется как одна из форм «наследственной передачи привилегий».

Так пытаются «обновлять» марксистские понятия «классов», собственности, классовой борьбы и классовых противоречий. Довольно часты разговоры о мнимой «устарелости» марксизма. Эту мысль высказывает, например, К. Гауф, относящая себя «к тонкой прослойке этнографов революционных социалистов»³³ и резко критикующая устои современного буржуазного общества. Вообще противоречивость исторических концепций — характерная черта даже лево настроенных ученых США.

К сожалению, часто представление о марксизме-ленинизме складывается на основе заведомо тенденциозных его изложений буржуазными теоретиками антикоммунизма. Знакомятся с марксизмом по работам М. Вебера, Витфогеля, Г. Маркузе, считающихся на Западе популяризаторами марксизма. Некоторые исследователи объявляют себя марксистами, применяя на деле некое сочетание марксизма с экзистенциализмом и дру-

²⁹ M. Harris. The Rise of Anthropological Theory. New York, 1968.

³⁰ «Current Anthropology», 1962, vol. 3, № 1, p. 68.

³¹ M. Sahlins. Political Power and the Economy in Primitive Society. — «Essays in the Science of Culture. In Honor of L. White». New York, 1960, p. 393.

³² См. дискуссию по статье: H. Hickerson. Some Implications of the Theory of the Particularity, or «Atomism» of Northern Algonkian? — «Current Anthropology», 1967, vol. 8, № 4.

³³ K. Gough. New Proposals for Anthropologists. — «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 5, pt. 1, p. 429—430.

гими концепциями англо-американской буржуазной социологии. Показательна в этом отношении книга М. Харриса «Рост антропологической теории»³⁴. Это критическое исследование по истории теоретической мысли в западной этнографии содержит много верных оценок различных школ, возникавших на разных этапах развития науки. Взгляды автора можно рассматривать как известный показатель состояния социальной мысли в современной буржуазной этнографии и социологии Запада. М. Харрис выступает в качестве теоретика некой новой философской системы, называемой им «культурным материализмом». Учитывая широкое распространение идей научного коммунизма, М. Харрис пытается показать, что его культурный материализм якобы «улучшает» марксизм. Он признает К. Маркса лишь как теоретика учения о базисе и надстройке и, включив это понятие в свою систему взглядов, выступает в амплуа ученого, развивающего идеи К. Маркса. В то же время Харрис отвергает К. Маркса как революционера и повторяет идеи антикоммунистов о мнимой устарелости марковского анализа капитализма и его учения о революционной роли пролетариата. Книга М. Харриса — еще одна из многих попыток ревизии марксизма-ленинизма, являющейся модной на Западе формой апологии капитализма.

Горячие дискуссии по кардинальным проблемам этнографической науки, по проблемам общественно-политическим дают богатый материал для суждений о теоретической и политической ориентации американских этнографов.

³⁴ М. H a r r i s. Op. cit.

